

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.44

doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.35-50

ЗАЩИТА ДОГОВОРА ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ДРУГИХ ЛИЦ: ПОИСК ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

В.Г. Голубцов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, 614000, Россия*

Аннотация

Анализ проблем, связанных с вторжением третьих лиц в чужие договорные отношения, – вопрос, который стремительно приобрел актуальность в теоретическом и практическом плане. В работе исследована проблема подобного интервентного поведения в аспекте национального деликтного права на основе обобщения уже известных теоретических взглядов на нее. Сформулированы теоретические суждения о том, что традиционное определение гражданско-правовой ответственности, принятое в российской доктрине, а также существующая систематика и технико-юридические приемы российского деликтного законодательства исключают введение в этот институт такого вида деликта, как причинение вреда сторонам договора третьими лицами. С целью аргументации предложенных выводов проведен сопоставительный анализ российской системы деликтного права с английской как одной из трех (наряду с немецкой и французской) наиболее разработанных в мире, чьи способы реагирования на вторжение в договор третьих лиц являются наиболее обсуждаемыми в текущих национальных дискурсах.

Ключевые слова: вторжение третьих лиц в договор, относительные права, деликтный иск, генеральный деликт, прямые финансовые потери

Введение

Поведенческие модели должного экономического взаимодействия лиц обретают все больше и больше критериев. К разумности, осмотрительности, надлежащим действиям добавились требования добросовестности, сотрудничества и взаимного информирования. Все они отражают желаемые для поддержания надлежащего правопорядка общепринятые правила взаимодействия лиц в экономических отношениях. На случай недолжного поведения законодатель устанавливает прямые запреты, ограничения и иные правовые последствия, цель которых – сделать экономически невыгодным неразумное, неосмотрительное, ненадлежащее и недобросовестное поведение.

Указанные критерии и предписания принято распространять на поведение контрагентов в договоре, трактуя его как такое поведение, которого ожидает

законодатель от связи формализованной, возникающей из договорных или внедоговорных отношений. Однако рыночные инструменты и обыкновения не сводятся исключительно к связям, опосредованным правом. В рыночных отношениях присутствуют связи непосредственные, объективными основаниями для которых выступает рыночное соперничество, не лишённое в своих проявлениях многообразных искажений. К последним современная юридическая наука относит вторжение третьих лиц в чужие договорные отношения. Далёко не все случаи подобного вторжения ограничиваются одними лишь эмоциональными и временными потерями (типичный пример – масштабный обзвон состоятельных клиентов банка-конкурента), нередко являются и такие, которые влекут за собой серьёзные экономические потери, а иногда и утрату всего бизнеса.

Случаи необоснованного вмешательства третьих лиц в чужие договорные отношения как пример такого поведения, которое мешает заданному сторонами развитию имущественных отношений и создаёт условия для ослабления эффективности договорных отношений, всё чаще становятся темой ведущихся в современной повестке дискуссий (Д.Е. Богданов, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, О.И. Дегтярева, А.Г. Карапетов, С.А. Сеницын, К.А. Усачева, А.С. Чупрунов и др.). Результатом дискуссий стало увеличение числа исследований на эту тему. Одним из катализаторов возросшего научного интереса к ней явилась практика правоприменения, поставляющая примеры разрешения споров, возникших из интервентных отношений [1]. В настоящее время по большей части обсуждаются те случаи из практики, когда вмешательство в чужие отношения осуществляется в рамках совершения сделки с должником. Разрешая такого рода споры, суды действуют единообразно, аннулируя сделку на основании ст. 10 и ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако вопрос о том, «что и кого защищает в таких делах суд», пока остаётся открытым [1].

В правовой доктрине предложено несколько теоретических вариантов возможного законодательного решения проблемы вторжения одних лиц в имущественные отношения других. Но над каждым из них довлеет всё тот же теоретический и практический вопрос: кого и от кого следует защищать? В попытке отыскать ответ на этот и сопутствующие ему вопросы мы и обратились к проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи.

Законодательное и доктринальное состояние проблемы

Теоретическое освещение проблемы интервентного поведения пока происходит достаточно несистемно и характеризуется узконаправленными усилиями. В этом процессе можно выделить две важные вехи. Первая попытка, с примеркой на российскую правовую действительность, была сделана благодаря круглому столу, проведённому на базе Юридического института М-Логос в сентябре 2014 г., под названием «Допустимы ли абсолютная защита и противопоставимость обязательственных прав?» [2]. По его итогам появилось несколько серьёзных публикаций с неформальной опорой на доктрину и законодательство других стран, в том числе под авторством участников круглого стола. Момент был важным, так как предшествующие ему точечные попытки прикоснуться к упомянутой теме предпринимались главным образом в целях её научного описания в качестве института, известного другим законодательствам, которые опираются на более

широкое понимание деликтной ответственности как ответственности, связанной с нарушением обязанности, относящейся к «лицам вообще» [3, с. 26–27].

Но на тот момент научная дискуссия несколькими публикациями и завершилась, не исключено, что не в последнюю очередь по причине экономико-правовой неоднозначности проблемы, сложности и новизны теоретических приемов, предлагаемых для ее доктринального решения. Тем не менее тематика интервентного поведения впервые появилась в повестке в национальном, а не в компаративистском аспекте.

Следующим событием, подстегнувшим научный интерес к проблеме интервентного поведения по отношению к договору, стал второй круглый стол, проведенный на той же коммуникативной платформе в 2019 г., на тему «Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков» [4]. Организаторы ориентировались на запросы, идущие со стороны правоприменителя, использующего все тот же инструмент – пресечение действия интервентов – в виде аннулирования сделки-интервента. Упомянутое мероприятие существенно оживило научно-теоретический интерес к проблеме недобросовестного соперничества в сфере гражданско-правового взаимодействия лиц, обнажив ее новые аспекты, ставшие к тому времени предметом уже регулярного освещения в правовой блогосфере и на страницах юридической печати.

Отметим, что в настоящее время имеющиеся взгляды на проблему и высказываемые относительно нее суждения являются разрозненными и в значительной степени разнонаправленными. Одни авторы открыто указывают на существующую законодательную неурегулированность отношений, возникающих из интервентного поведения третьих лиц, и видят возможность защиты нарушенных в таких случаях прав с помощью предъявления деликтного иска к интервенту (см. [5]), хотя и не отрицают, что отсутствие в законе четкости в отношении уместности той или иной конструкции несет в себе высокую вероятность отказа в защите права [6].

Отстаивающие иную позицию, стремясь разобраться в том, как должны соотноситься между собой деликтная ответственность недобросовестного интервента и ответственность непосредственного нарушителя обязательства, предпринимают попытки научного обоснования проблемы через конструкцию соучастия на стороне деликвента, что небесспорно из-за разности оснований ответственности должника и интервента, либо через конструкцию субсидиарной ответственности причинителя [7]. Высказано также мнение о возможности абсолютной защиты субъективного обязательственного права через анализ его структуры [8].

Не столь очевидным для юриспруденции является еще один возможный подход к теоретическому разрешению поставленной проблемы, основанный на чисто экономической логике и исходящий из того, что экономическая конкуренция – это процесс созидательного разрушения. И поэтому, подсчитывая транзакционные издержки, неизбежные для защиты контрактов от посягательств третьих лиц, ее следует принимать как экономическую данность. Конкуренция имеет свои достоинства, она открывает путь к инновациям, улучшая нашу жизнь, и наказание конкуренции через гражданско-правовую ответственность отрицательно сказалось бы на нашем благосостоянии и нанесло бы серьезный удар по свободе личности [9, с. 430].

Представляется, что об актуальности поставленного вопроса в его чисто экономическом значении, отражающем механизм и динамику конкуренции, говорить вряд ли верно. Учитывая потенциальную угрозу внешних экономических вмешательств одних лиц в отношении других, законодатель уже отреагировал на это явление через введение в оборот такого правового понятия, как «недобросовестная конкуренция». Тем самым законодатель попытался устранить противоречие между приоритетом экономической целесообразности, значимой для чисто экономических теорий, и целями правового регулирования, ориентированными на значимость субъективных прав и обязанностей их носителей, стабильность этих прав и их правовые гарантии. Это, конечно, не решает всех проблем, порожденных потерями от фактических вмешательств в чужие экономические отношения, но означенный вопрос можно считать вовлеченным в правовую материю и известным праву.

Остается открытым следующий вопрос: достаточно ли интервентному поведению правовой реакции в виде аннулирования сделок-интервентов и реализации норм конкурентного законодательства о недобросовестной конкуренции. Одним из условий объективного ответа является недопустимость необоснованного применения теории интервенции и подавления приемлемых видов правовой активности лиц.

В то же время вопросы о том, в каком направлении должны развиваться законодательство и правоприменение и столь ли необходима предметная реакция на случаи причинения ущерба относительным правам участников существующего обязательственного правоотношения третьими лицами, не предполагают, как представляется, какого-то однозначного решения. Как показывает опыт других стран, порядок возмещения ущерба не является каким-то единым, а разнится от страны к стране. В одних странах это происходит по нормам права договорного, например в Германии. Как зафиксировано в абз. 2 § 823 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) (статья помещена в разделе 27 «Недозволенные действия»), обязанность возместить вред возникает у лица, которое нарушит закон, направленный на защиту другого лица [10, с. 239–240]. В § 826 ГГУ «Умышленное и противоречащее добрым нравам причинение вреда» установлено правило, что «лицо, которое умышленно причинит другому лицу вред способом, противоречащим добрым нравам, обязано возместить причиненный вред» [10, с. 240]. Как отмечено в литературе, нормы договорного права применяются с этой целью «по причине неприспособленности к таким случаям деликтного права» [11, с. 369], а также в силу узости его концепции. Отсюда явная специфика немецкой доктрины договорного права, являющей собой пример использования договорного права для исправления системы деликтного права (см. [12]).

Во Франции, согласно ст. 1231 Кодекса Наполеона (далее – ФГК), основанной на принципе полной компенсации всех понесенных убытков, возмещение ущерба возможно по норме деликтного права. Правила этой нормы применимы при условии, что убытки прямо и непосредственно вызваны правонарушением, а лицо, совершившее правонарушение, предвидело или должно было

предвидеть наступление убытков¹. В английском договорном праве случаи взыскания чистых убытков относятся к исключительным, их взыскание происходит по нормам деликтного права. Но по причине того, что английское деликтное право не предусматривает расширения умышленных деликтов, в нем действует концепция «причинения по неосторожности» [12, с. 132].

Не исключено, что и российский законодатель в отдаленной перспективе определит юридические способы реагирования на типы поведения, определяемые как недобросовестное вторжение в чужие отношения. Точка зрения, согласно которой такое поведение противоправно и не должно защищаться гражданско-правовыми средствами, в науке высказана вполне определенно. Как указывает С.А. Сеницын, оно не только причиняет имущественный вред кредитору, но и колеблет, умаляет авторитет и руководящее значение основополагающего принципа договорного права об обязательности условий заключенного договора, надлежащего исполнения принятых договорных обязательств [13, с. 518]. Это одна из причин научной актуализации проблемы интервентного поведения. Вопрос об окончательной квалификации такого поведения, путях его пресечения и применения гражданско-правовых последствий несет множество доктринальных сложностей, но он открыт для объективного научного объяснения.

Договор и «другие лица»

Действующей системой обязательственного права задано одно положение, согласно которому нарушенные обязательственные права кредитора могут и должны защищаться по общему правилу в рамках договорной ответственности. Речь идет только об ответственности должника перед кредитором, иными словами, упомянутое положение касается только лиц, которые связаны договорным обязательством. В иных способах защиты кредиторских прав по национальному гражданскому законодательству отказано.

Однако необходимо признать, что обязательно-договорные риски – это не только риски, лежащие в плоскости самого договора. У договора в условиях рыночной экономики есть и внешние угрозы, которые негативно влияют на договор и права его участников. Перечни этих рисков все чаще приводятся в литературе (см. [14;15]).

Проблема сохранности и надежности гражданско-правового договора, власти над ним лишь согласованной воли кредитора и должника постепенно перестает быть исключительно «внутренним делом» его сторон. Она всё чаще затрагивает вопрос о рыночной ценности договора как такового, вслед за ней в исследовательское поле вовлекается проблема соблюдения (или шире – уважения) договора третьими лицами [16; 17]. Эти уже известные юриспруденции проблемы договорного права дополняются новыми, направленными на то, чтобы защитить договор от вторжения в него третьих лиц.

Может показаться, что проблема вторжения одних лиц в договорные отношения других нашла свое решение, если рассуждать на тему вмешательства

¹ Новая редакция третьего пункта ФГК «О договорах, общем режиме обязательств и о доказывании». Введена в действие нормативно-правовым актом № 216-131 от 10 февр. 2016 г. (Ordonnance № 2016-131 du 10 février 2016). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=BB5B8A7EE5045A6159B998FD4BDF0E07.tpdila13v_1?cidTexte=JORFTEXT000032004939&dateTexte=20160212.

одних лиц в существующие обязательства других в категориях добросовестности. Ведь нормами ГК РФ (начиная с 1 сентября 2013 г.) предписано, что участники имущественных отношений обязаны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ), а недобросовестное поведение лица не должно приносить прибыль (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Таким образом, любые недобросовестные действия теперь являются, формально говоря, прямым нарушением закона. Если это соответствует действительности, то вопрос о так называемых интервентах – третьих лицах, покушающихся на исполнимость чужого договора, – теряет свою актуальность даже несмотря на то, что в действующем ГК РФ нет нормы, подобной норме, закрепленной в ст. 1200 ФГК, согласно которой на третьих лиц возлагается обязанность уважать то правовое положение, которое создает заключенный договор [18].

Тем не менее простота и достаточная на первый взгляд очевидность для такого вывода нормативных оснований не обеспечивают их надлежащего функционирования, что может показаться странным, но на деле имеет объяснение.

Во-первых, законодателю трудно было решить проблему, связанную с появлением фактически нового вида неправомерных действий, руководствуясь исключительно технико-юридическими приемами, часть которых применительно к данным случаям лежит в сфере судейской дискреции. Есть опасность нарушить сложившуюся и вполне оправданную систематику норм действующего обязательственного права с его дихотомическим делением на право договорное и внедоговорное.

Во-вторых, проблема защиты договора как такового, а не субъективных прав его участников фактически неизвестна современному теоретическому дискурсу, как и проблема презумпции «разумного риска» для самих сторон договора, входящих с его заключением в конкурентное рыночное пространство, где нужны осмотрительность и осторожность.

В-третьих, умозрительность и вариативность интервентных случаев, имеющих в своей основе многообразную фактологию и фактическую неуловимость причин их возникновения, ведут к тому, что далеко не все из них могут быть квалифицированы как недобросовестность и тем более противоправность.

Именно с учетом этих вводных при обращении к проблеме вторжения в чужие договорные отношения в науке указывается не на прямое, а на косвенное нарушение относительных прав участников договора. К подобным случаям причисляются такие, когда третье лицо препятствует исполнению обязательства должником или осуществляет действия, которые делают исполнение обязательства невозможным либо умаляют ценность имущественного права для кредитора [6] или же создают стимулы для подобных нарушений [19].

Гражданское законодательство мало ориентировано на отношения, в которых есть лишь косвенная составляющая, несмотря на то что предписание добросовестного поведения затрагивает неограниченный круг лиц, а вопрос о соотношении принципа добросовестности и существовавшего с 1995 г. в ст. 10 ГК РФ запрета на злоупотребление правом разрешен посредством указания на то, что злоупотребление правом есть недобросовестное осуществление права. Отсылки к этим нормам, как и к нормам о недействительности сделок, дающим повод для аннуляции сделки только по основаниям, указанным в законе, не могут служить аргументом того, что интервентные отношения правомерны.

Вопросы о правовой квалификации этих отношений актуальны. Ответ на вопрос, являются они деликтом или нет, не очевиден. Если деликта нет, то какова степень недобросовестности интервента? А если это всё же деликт, то что здесь является противоправным?

О деликтном иске к интервенту

Классическим европейским подходом к вопросу о взыскании убытков с недобросовестного конкурента считается деликтный. Не исключается такой подход и российской наукой. Впрочем, его никак нельзя назвать бесспорным как по причинам, лежащим вне сферы деликтного права (например, следует ли снимать заботу о защите договора и субъективных прав контрагентов с них самих), так и по причинам, относящимся к деликтному праву. Отсюда даже самые стройные научные описания деликтной концепции требуют объективного научного анализа и основываются в конечном итоге на концепции вторжения деликта в сферу договорных отношений сторон.

Оппонентом сторонников деликтной теории, которая могла бы стать пригодной для защиты договора, выступил В.А. Белов, указавший на невозможность решения исследуемой проблемы средствами деликтного права. Основполагающий аргумент В.А. Белова основан на суждении о том, что российское деликтное право в его традиционном понимании рассчитано исключительно на поименованные случаи причинения вреда имуществу, поэтому необоснованно использовать для решения проблемы защиты договора деликтное право [20]. Возражать что-либо на это сложно, поскольку теория деликтного права и система соответствующих норм в ее существующем виде действительно не способны охватить порядок возмещения тех имущественных потерь, которые порождает недобросовестное вторжение в чужой договор.

Присоединяясь к этой научной позиции, подкрепим ее собственной аргументацией, для чего обратимся к системе деликтного права Англии, чье законодательство уже не одно столетие реагирует на случаи интервентного вмешательства одних лиц в договорные отношения других. В английском договорном праве даже есть определение третьих сторон как тех лиц, которые не связаны юридически действительным договором или не пользуются правами по этому договору [12, с. 131]. Обращение к английскому деликтному праву позволит понять, какие приемы и средства лежат в основе правового реагирования на интервентные деликты.

Как устроены система деликтного права Англии, существующая в параллели с деликтными системами Германии и Франции, и такой вид частного английского деликта с его собственным фактическим составом, как вторжение интервента, стало известно из серьезных компаративистских исследований, проведенных в российской цивилистической науке [21; 22; 15]. Благодаря авторам упомянутых трудов общедоступными для российской науки стали знания о пути, который прошло это государство в становлении его деликтного права от истоков до наших дней. Результатом исследований явился вывод о том, что первостепенную роль в развитии и становлении его системы сыграла судебная власть.

История деликтного права Англии, как и большинства других институтов, — это не история его норм, а история исков, практика разрешения которых не имела

и во многом не имеет и сейчас строго заданных законом критериев. Для Англии, как и для Франции, чье деликтное право также признано творением судебной системы, деликтное право – это система активно-казуистических источников, созданных по итогам разбирательства споров со стремлением сбалансировать интересы истцов и ответчиков, истцов и общества [22; с. 17].

Началом формирования судебной практики и доктрины вмешательства в чужие коммерческие отношения в Англии считается 1793 г., когда ответчиком была совершена попытка предотвратить заключение договоров между истцом и его потенциальными клиентами путем неправомерных действий [23]. Этот неотъемлемый от истории английского правосудия факт через два столетия позволил появиться суждению о том, что Англия относится к числу тех стран, где отмечено торжество идеи об ограничении вмешательства третьего лица в чужие отношения.

Необходимо учесть в приводимых рассуждениях некоторые общие положения о специфике системы деликтного права Англии и причинах ее незамкнутости для непоименованных деликтов.

1. Деликтная ответственность в английском праве опирается в первую очередь на экономические постулаты и понимается как составная часть компенсационной системы, действующей в пользу пострадавших.

2. Относительная открытость деликтного права Англии для разного рода специальных деликтов и устойчивость правоприменительной практики в этой части рассматриваются английским правом как стабильность экономического положения страны в целом.

3. Исторически развиваясь посредством многообразных процессуальных механизмов, *common law* стремилось и продолжает стремиться к тому, чтобы приспособить их в первую очередь для целей облегчения обращения в суд, в том числе и по деликтным спорам.

4. Несмотря на то что отдельные авторы пусть условно, но все же считают английское деликтное право основанным на принципе генерального деликта [21, с. 51], общее научное представление строится на том, что нормы деликтного права этой страны лишены единообразия, являя собой ряд частных деликтов, а вид деликта определяет и вид нормы деликтного права.

Ориентируясь на деликтные системы других стран, российский законодатель также заложил в нормы о гражданско-правовой ответственности компенсаторную функцию. Но ее реализация замкнута на дополнительном обременении должника, что подчеркивает предупредительную функцию такой ответственности, которая не только не выглядит второстепенной, но и сближает гражданско-правовую ответственность с ответственностью уголовной. Такое положение не свойственно ни английскому праву с его явно компенсационной функцией [24, с. 18, 22], ни, например, праву Германии, исследуя которое немецкие ученые не берут за основу постулат о необходимости наличия дополнительных обременений для выделения мер ответственности [25, с. 428].

Согласно господствующей в литературе точке зрения, перешедшей практически в неизменном виде из советской цивилистики, под гражданско-правовой ответственностью подразумеваются отрицательные имущественные последствия для нарушителя в виде лишения субъективных прав, возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей. Концентрация смысла этого

традиционного определения обеспечивается за счет таких категорий, как «нарушитель», «лишение», «дополнительная обязанность», сообщающих, что определение выстроено на последствиях гражданско-правовой ответственности не столько для кредитора, сколько для должника.

Суждения о том, что существующий категориальный аппарат гражданско-правовой ответственности мало приспособлен к современным реалиям и все чаще обнаруживает перенос центра тяжести со стороны кредиторских интересов на узкую трактовку противоправности действий нарушителя, достаточно распространены, однако теория гражданско-правовой ответственности в этой части пока остается такой, какая она есть, давая небезосновательный повод для выводов о том, что российская модель компенсации вреда в значительной степени отличается от правопорядков, использующих «генеральный деликт» [21].

Для России, как и для других стран континентального права, правило генерального деликта – основное в регулировании отношений в сфере причинения вреда. Являясь фундаментом всей конструкции деликтного правоотношения, правило генерального деликта исходит из возможности компенсации юридически значимого вреда, явившегося результатом деликтного поведения. Отсюда ответственность за причинение вреда не может носить характер неопределенной, она всегда наступает при наличии совокупности условий: противоправность, вред, причинная связь и вина. Необходимость установления этой совокупности судом имеет место в любом случае деликтной ответственности и предопределяет как критерии противоправности поведения причинителя вреда, так и юридические основания для взыскания с него убытков.

Основная задача, которую решают деликтные обязательства по российскому праву, состоит в том, чтобы из множества повседневных фактов причинения ущерба вычленили те из них, которые дают потерпевшему право переносить бремя понесенного им ущерба на причинителя или лицо, названное законом вместо причинителя. В нормах ГК РФ эта задача решается с помощью юридико-технических средств, сконцентрированных в ст. 1064 и дополненных нормами, регулирующими случаи так называемой специальной деликтной ответственности (ст. 1068 ГК РФ и др.).

Появление новых видов отношений, связанных с причинением убытков и не относящихся к договорным, влечет возникновение вопроса о пределах действия деликтного права и обсуждение возможных путей корректировки правила о генеральном деликте. Однако пока ясных представлений о том, в каком направлении надлежит корректировать это правило, как и о том, нуждается ли оно в такой коррекции, в доктрине нет. Есть лишь утвердительные суждения, что традиционная сфера регулирования деликтного права, основанная на принципе генерального деликта, «переросла рамки норм, пригодных только для регулирования обязательств» [26, с. 351], и примеры из действующей судебной практики, допускающей отступления от него [27].

Признание совершенного деяния деликтом всегда влечет за собой вопрос о том, что в нем противоправного. Фактически с помощью этого понятия определены пределы действия всего деликтного права. Согласно существующей концепции противоправности, названной В.А. Беловым «узко уголовной», противоправным в гражданском праве считается лишь то поведение, которое нарушает

чье-либо субъективное право (благо, интерес) и признается незаконным, то есть не соответствует определенному закону. При таком подходе к противоправности в деликтном праве исследуемым нами явлениям нет никаких шансов попасть в разряд противоправного поведения, если не считаться с нормами о добросовестном поведении и поведении в обход закона. Но они, как мы уже заметили выше, с традицией генерального деликта не согласованы.

Обращение к проблеме причинения вреда вследствие интервентного поведения неизменно затрагивает вопрос об ответственности интервента. Речь идет о характере причиненного вреда и его оценке. Здесь также всё ориентировано на принцип генерального деликта.

Общей нормой для всех случаев причинения убытков является ст. 15 ГК РФ, согласно которой тот, кто нарушает права других лиц, должен возмещать причиняемый ущерб по требованию кредитора как «лица, право которого нарушено» (ст. 15 ГК РФ). Норма расположена в разделе первом ГК РФ и имеет характер универсального правила. Но качество универсальности правила об убытках заметно слабеет, если понимать, что, несмотря на указание в ст. 1064 ГК РФ о возмещении любых убытков, гражданское право не признает никаких других убытков кроме тех, которые причинены материальным благам и абсолютным правам. С ориентиром на защиту этих объектов и провозглашена компенсаторная модель гражданско-правовой ответственности.

Вопрос о том, какие блага оказываются ущемленными в случае вторжения в чужие договорные отношения, сегодня также остается открытым. Одним из ответов на него может стать теория прямых убытков. Она появилась раньше интервентной тематики [28; 29], но сегодня активно экстраполируется на нее [30–33]. При всей предметности научного обсуждения этого вида убытков, расширяющего традиционные представления об убытках в деликтном обязательстве, оно мало согласуется с другими элементами генерального деликта.

Ключевым моментом является также установление причинной связи при определении гражданско-правовой ответственности интервента. Ее отсутствие означает и отсутствие оснований для привлечения к ответственности, поскольку задача причинной связи состоит в том, чтобы увязать причиненный вред с поведением того лица, которое должно нести ответственность. Применительно к действиям интервента здесь пока нет ни теоретической, ни практической ясности. Слишком долго российский правоприменитель ориентировался на презумпцию такой связи, если вина причинителя доказана. Традиционная недооцененность этой связи пока только начинает обсуждаться в науке [34], и не исключено, что это приведет к выводам о разных моделях деликтной ответственности, среди которых найдется место и деликтам интервентного свойства. А пока следует согласиться с точкой зрения В.А. Белова; что российское деликтное право в его сегодняшнем виде действительно трудно приложимо ко всему появляющемуся многообразию новых сфер [35].

Заключение

Проблема вторжения третьих лиц в договорные отношения других лиц с целью их ослабления или полного прекращения – это часть более масштабной проблемы, суть которой может быть сформулирована как ответ на вопрос, кто

должен осуществлять защиту заключенных контрактов – сами их участники в частном порядке или третья сторона в лице государства. Современное законодательство исходит по общему правилу из того, что это дело исключительно самих сторон (учет и минимизация рисков и при необходимости их страхование, осмотрительность при выборе контрагента, разумность и осторожность в установлении договорных отношений, расчет на добросовестное поведение второй стороны, учет издержек добросовестной конкуренции).

Как показывает предпринятое исследование, современная цивилистическая наука достаточно настойчиво осваивает новые взгляды и подходы, склоняясь к тому, что без участия законодателя на свободном рынке невозможно обезопасить отношения его субъектов от необоснованных вмешательств. Вопрос обретает дополнительный ракурс, побуждая ученых задуматься о том, достаточно ли у обладателей гражданских прав средств защиты и пригодны ли они для большинства случаев восстановления утраченной экономической эффективности и возмещения ущерба, сопряженного с понесенными финансовыми потерями.

Научные подходы к разрешению затронутых проблем разнятся: предпринимаются попытки обоснования тезиса об абсолютной защите относительных прав, например, обосновывается возможность солидаритета на стороне должника в случае сговора последнего с интервентом, воспроизводятся многочисленные зарубежные примеры как основа для формирования практики российскими национальными судами. Процесс поиска научных решений продолжается, и главное в нем – не занимать крайних позиций, не гипертрофировать и не размывать действие существующих классических правовых институтов, неоправданно внедряя в них новшества, противоречащие их собственной природе, но помнить о том, что каждый из этих институтов находится в системной зависимости от других и неизбежно влияет на систему в целом.

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая – четвертая) // СПС Гарант. – URL: <http://base.garant.ru/10164072/>, свободный.
- ГГУ – Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению = Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz / Пер. с нем. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 888 с.
- ФГК – Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 592 с.

Литература

1. *Чупрунов А.С.* Российская судебная практика по интервенции // Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков: Науч.-практ. круглый стол. – URL: https://m-logos.ru/img/Sudebnaya_praktika_VS_Chuprunov_m_logos.pdf, свободный.
2. Допустимы ли абсолютная защита и противопоставимость обязательственных прав?: Науч. круглый стол Юридического ин-та «М-Логос». 2014. – 22 сент. – URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_dopustimy_li_absolutnaya_zashita_i_protivopostavimost_obyazatelstvennyh_prav, свободный.

3. *Матвеев Г.К.* Англо-американское деликтное право. – М.: Юрид. лит., 1973. – 174 с.
4. Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков: Науч.-практ. круглый стол. – 2019. – 1 февр. – URL: https://mlogos.ru/mlogos_publication/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_intervenciya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vzyskanie_ubytkov, свободный.
5. *Карпетов А.Г.* Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации – М.: Статут, 2018. – 944 с.
6. *Гутников О.В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. – 2017. – № 1. – С. 22–37.
7. *Тарасов П.А.* Соотношение ответственности нарушившей обязательства стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестн. эконом. правосудия РФ. – 2020. – № 10. – С. 135–154.
8. *Алоян А.Э.* Модели абсолютной защиты обязательственных прав // Закон. – 2015. – № 8. – С. 138–146.
9. *Маккай Иян.* Право и экономика для континентальной правовой традиции – М.: Дело, 2019. – 624 с.
10. Гражданское уложение Германии: Ввод. Закон к Гражданскому уложению / Науч. ред. А.Л. Маковский и др. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 728 с. (Германские и европейские законы. Кн. 1)
11. *Кетц Х., Цвайгерт К.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. – М.: Междунар. отношения, 1998. – Т. 2: Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. – 510 с.
12. *Фон Бар К.* Ответственность за предоставление информации и выражение мнения, причинившие «чистые экономические убытки» третьим сторонам // Правоведение. – 1997. – № 2. – С. 128–147.
13. *Синицын С.А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – 604 с.
14. *Карпетов А.Г.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестн. эконом. правосудия РФ. – 2014. – № 11. – С. 24–80.
15. *Чупрунов А.С.* Ответственность интервента за вторжение в чужие договорные отношения в Англии // Интервенция в чужие договорные отношения: оспаривание сделки или взыскание убытков: Науч.-практ. круглый стол. – URL: https://mlogos.ru/mlogos_publication/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_intervenciya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vzyskanie_ubytkov, свободный.
16. Договор как общеправовая ценность / Под общ. ред. В.М. Жуйкова, А.В. Габова, С.А. Синицына. – М.: Статут, 2018. – 381 с.
17. *Гаджиев Г.А.* Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) // Журн. рос. права. – 2019. – № 1. – С. 5–18. – doi: 10.12737/art_2019_1_1.
18. *Маковская А.А.* Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестн. эконом. правосудия РФ. – 2016. – № 8. – С. 76–101.
19. *Синицын С.А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестн. гражд. права. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 7–44.
20. *Белов В.А.* Так что же такое конкурентное право? // Закон. – 2020. – № 2. – С. 44–64.
21. *Евстигнеев Э.А.* Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть первая) // Вестн. гражд. права. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 45–83.

22. *Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К.* Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве. – М.: Юстицинформ, 2017. – 376 с.
23. *Будьлин С.Л.* Как наказать интервента? Вмешательство в договорные отношения: правовые последствия в странах общего права // Закон. – 2019. – 23 янв. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/01/23/kak_nakazat_interventa_vmeshatelstvo_v_dogovornye_otnosheniya_pravovye_posledstviya_v_stranah_obsche, свободный.
24. *Томсинов А.В.* Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России. – М.: Зерцало, 2010. – 184 с.
25. *Синяевская М.С.* Нарушение договора и его последствия: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. ст. – М.: Норма, 2005. – Вып. 9. – С. 407–459.
26. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.
27. *Хужин А.М.* О трансформации принципа генерального деликта: анализ законодательства и судебной практики // Юрид. техника. – 2020. – № 14. – С. 340–342.
28. *Туктаров Ю.Е.* Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: Сб. ст. – М.: Статут, 2006. – С. 138–168.
29. *Богданов Д.Е.* Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журн. рос. права. – 2012. – № 3. – С. 82–91.
30. *Егоров К.Ф.* Чисто экономические убытки в российской судебной практике // Вопр. рос. юстиции. – 2020. – № 9. – С. 299–307.
31. *Копяков А.А.* Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестн. гражд. права. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 146–196. – doi: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-146-196.
32. *Лугманов Р.Р.* Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестн. эконом. правосудия РФ. – 2019. – № 2. – С. 115–153.
33. *Тамаев Р.* Перспективы взыскания чисто экономических убытков по российскому гражданскому праву: цессионный подход // Чистые экономические убытки в российском праве (case-study): Науч.-практ. круглый стол. – URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_chistye_ekonomicheskie_ubytki_v_rossyskom_prave_case-study, свободный.
34. *Евстигнеев Э.А.* Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестн. гражд. права. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 33–59. – doi: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59.
35. *Белов В.А.* Найти среди наших современных юристов чистого «деликтника», если не невозможно, то проблематично: Интервью с Вадимом Беловым / Записал Д. Корчагин // Закон. – 2020. – 14 апр. – URL: https://zakon.ru/discussion/2020/4/14/najti_sredi_nashih_sovremennyh_yuristov_chistogo_deliktника_esli_ne_nevozmozhno_t_o_ochen_problematic, свободный.

Поступила в редакцию
20.01.2021

Голубцов Валерий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614000, Россия

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

**Contract Protection against Encroachment of Other Parties:
A Search for Theoretical Grounds**

V.G. Golubtsov

Perm State University, Perm, 614000 Russia

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received January 20, 2021

Abstract

Analysis of problems related to the invasion of third parties into other people's contractual relations has rapidly acquired relevance in both theoretical and practical terms. The main issues related to them have already come into the research focus, but some of the important aspects remain understudied. The article supports the prevailing view that Russian legislators should pay more attention to the above-stated problems. The known theoretical approaches to understanding and solving them are analyzed. Interventional behavior is considered from the perspective of national tort law. The following theoretical conclusions are drawn: the traditional understanding of civil liability adopted in the Russian doctrine, as well as the existing systematics and technical and legal techniques of the Russian tort law, serve as an obstacle for introduction of such type of tort as causing harm to the parties of contractual relations by third parties into this institution. These conclusions are confirmed by the results of a comparison of the Russian tort law system with the English one, which is among the three (along with those in Germany and France) most developed systems in the world and employs such methods of responding to the invasion of third parties in contractual relations that are most widely discussed in the modern national discourses.

Keywords: invasion of third parties into contract, relative rights, tort suit, general tort, direct financial losses

References

1. Chupurnov A.S. Russian judicial practice in intervention. *Interventsiya v chuzhie dogovornye otnosheniya: osparivanie sdelki ili vyzskanie ubytkov: Nauch.-prakt. kruglyi stol* [Intervention into Someone Else's Contractual Relations: Challenging the Transaction or Recovering Losses: Sci.-Pract. Panel Discuss.]. Available at: https://m-logos.ru/img/Sudebnaya_praktika_VS_Chupurnov_m_logos.pdf. (In Russian)
2. Are Absolute Protection and Opposability of Rights of Obligation Permissible?: Sci. Panel Discuss. of the M-Logos Legal Institute, 22 Sept, 2014. Available at: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_dopustimy_li_absolutnaya_zashita_i_protivopostavimost_obyazatelstvennyh_prav/. (In Russian)
3. Matveev G.K. *Anglo-amerikanskoe deliktnoe pravo* [Anglo-American Tort Law]. Moscow, Yurid. Lit., 1973. 174 p. (In Russian)
4. Intervention in Someone Else's Contractual Relations: Challenging the Transaction or Recovering Losses: Sci.-Pract. Panel Discuss., 2019, Feb. 1. Available at: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_intervenciya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vyzskanie_ubytkov. (In Russian)
5. Karapetov A.G. *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateinyi kommentarii k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Transactions, Representation, Limitation of Action: Article-for-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Statut, 2018. 944 p. (In Russian)

6. Gutnikov O.V. Tort liability for violation of relative rights: Development prospects in Russian law. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 22–37. (In Russian)
7. Tarasov P.A. Correlation of the violating party's liability and the defaulting intervener's tort liability. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya RF*, 2020, no. 10, pp. 135–154. (In Russian)
8. Aloyan A.E. Models of absolute protection of rights of obligation. *Zakon*, 2015, no. 8, pp. 138–146. (In Russian)
9. Mackaay Ejan. *Pravo i ekonomika dlya kontinental'noi pravovoi traditsii* [Law and Economics for Civil Law Systems]. Moscow, Delo, 2019. 624 p. (In Russian)
10. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvod. Zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu* [The German Civil Code: Introductory Act to the Civil Code]. Makovskii A.K. et al. (Eds.). Moscow, Wolters Kluwer, 2004. 728 p. (German and European Laws; Book 1). (In Russian)
11. Ketz H., Zweigert K. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava* [Introduction to Comparative Private Law]. Vol. 2: Contract. Unjust enrichment. Tort. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1998. 510 p. (In Russian)
12. von Bar Ch. Liability for providing information and opinions causing “net economic loss” to third parties. *Pravovedenie*, 1997, no. 2, pp. 128–147. (In Russian)
13. Sinitsyn S.A. The general doctrine of absolute and relative subjective civil rights. *Doct. Law Diss.* Moscow, 2017. 604 p. (In Russian)
14. Karapetov A.G. Models of civil rights protection: An economic perspective. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya RF*, 2014, no. 11, pp. 24–80. (In Russian)
15. Chupurnov A.S. Liability of an intervener for invading someone else's contractual relations in England. *Interventsiya v chuzhie dogovornye otnosheniya: osparivanie sdelki ili vzyskanie ubytkov: Nauch.-prakt. kruglyi stol* [Intervention into Someone Else's Contractual Relations: Challenging the Transaction or Recovering Losses: Sci.-Pract. Panel Discuss.]. Available at: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_interventsiya_v_chugie_dogovornye_otnosheniya_osparivanie_sdelki_ili_vzyskanie_ubytkov. (In Russian)
16. *Dogovor kak obshchepравovaya tsennost'* [Contract as a General Legal Value]. Zhuikov V.M., Gabov A.V., Sinitsyn S.A. (Eds.). Moscow, Statut, 2018. 381 p. (In Russian)
17. Gadzhiev G.A. Contract as a general legal value (on legal epistemology genesis). *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2019, no. 1, pp. 5–18. doi: 10.12737/art_2019_1_1. (In Russian)
18. Makovskaya A.A. The reform of contractual law in France. New provisions of the French Civil Code. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya RF*, 2016, no. 8, pp. 76–101. (In Russian)
19. Sinitsyn S.A. Absolute protection of relative rights: Causes, consequences, and correspondence to the existing classification of subjective rights. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 7–44. (In Russian)
20. Belov V.A. What is meant by competition law? *Zakon*, 2020, no. 2, pp. 44–64. (In Russian)
21. Evstigneev E.A. General tort principle: Modern position and prospects of use (part one). *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 45–83. (In Russian)
22. Egorova M.A., Krylov V.G., Romanov A.K. *Deliktnye obyazatel'stva i deliktная otvetstvennost' v angliiskom, nemetskom i frantsuzskom prave* [Tort Obligations and Tort Liability in English, German and French Law]. Moscow, Yustitsinform, 2017. 376 p. (Education). (In Russian)
23. Budylin S.L. How to punish an intervener? Invading contractual relations: Legal consequences in common law countries. *Zakon*, 2019, Jan. 23. Available at: https://zakon.ru/blog/2019/01/23/kak_nakazat_interventa_vmeshatelstvo_v_dogovornye_otnosheniya_pравovye_posledstviya_v_stranah_obsche/. (In Russian)
24. Tomsinov A.V. *Ponyatie dogovornykh ubytkov v prave Anglii, SShA i Rossii* [The Concept of Contractual Losses in the Law of England, the USA, and Russia]. Moscow, Zertsalo, 2010. 184 p. (In Russian)
25. Sinyavskaya M.S. Breach of contract and its consequences: A comparative legal analysis. In: *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Urgent Problems of Civil Law]. Moscow, Norma, 2005, no. 9, pp. 407–459. (In Russian)
26. Makovskii A.L. *O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006)* [On Codification of Civil Law (1922–2006)]. Moscow, Statut, 2010. 736 p. (In Russian)

27. Khuzhin A.M. On the transformation of the general tort principle: Analysis of legislation and judicial practice. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 340–342. (In Russian)
28. Tuktarov Yu.E. Net economic losses. In: *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya* [Losses and Ways to Recover Them]. Moscow, Statut, 2006, pp. 138–168. (In Russian)
29. Bogdanov D.E. Analysis of the legal approaches to recovering net economic losses in foreign law. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2012, no. 3, pp. 82–91. (In Russian)
30. Egorov K.F. Net economic losses in the Russian judicial practice. *Voprosy Rossiiskoi Yustitsii*, 2020, no. 9, pp. 299–307. (In Russian)
31. Kopyakov A.A. The problem of recovering net economic losses in Russian civil law. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 146–196. doi: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-146-196. (In Russian)
32. Lugmanov R.R. Tort law as a means of recovering net economic losses. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya RF*, 2019, no. 2, pp. 115–153. (In Russian)
33. Tamaev R. Prospects for recovering net economic losses under Russian civil law: A cessionary approach. *Chistye ekonomicheskie ubytki v rossiiskom prave (case-study): Nauch.-prakt. kruglyi stol* [Net Economic Losses in Russian Law (Case-Study): Sci.-Pract. Panel Discuss.]. Available at: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskyy_kruglyi_stol_chistye_ekonomicheskie_ubytki_v_rossyskom_prave_case-study/. (In Russian)
34. Evstigneev E.A. Correlation of guilt and causation in tort law. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 33–59. doi: 10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59. (In Russian)
35. Belov V.A. Finding a dedicated “tort expert” among our modern lawyers is problematic, if not impossible: Interview with Vadim Belov. Conducted by D. Korchagin. *Zakon*, 2020, 14 Apr. Available at: https://zakon.ru/discussion/2020/4/14/najti_sredi_nashih_sovremennyh_yuristov_chistogo_deliktника_esli_ne_nevozmozhno_to_ochen_problematic/. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Голубцов В.Г. Защита договора от посягательств других лиц: поиск теоретических оснований // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 2. – С. 35–50. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.35-50. ⟩

⟨ **For citation:** Golubtsov V.G. Contract protection against encroachment of other parties: A search for theoretical grounds. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 2, pp. 35–50. doi: 10.26907/2541-7738.2021.2.35-50. (In Russian) ⟩